

О. МАНДЕЛЬШТАМЪ.

БАМБЕНЬ

СТИХИ.

А К М Э.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

—
1913.

*Reprint by Ardis
615 Watersedge
Ann Arbor*

Printed in USA

ДЫХАНІЕ.

Дано мнѣ тѣло — что мнѣ дѣлать съ нимъ,
Такимъ единымъ и такимъ моимъ?

За радость тихую дышать и жить,
Кого, скажите, мнѣ благодарить?

Я и садовникъ, я же и цвѣтокъ,
Въ темницѣ міра я не одинокъ.

На стекла вѣчности уже легло
Мое дыханіе, мое тепло.

Запечатлѣтся на немъ узоръ,
Неузнаваемый съ недавнихъ поръ.

Пускай мгновенія стекаетъ муть —
Узора милаго не зачеркнуть.

1909.

S I L E N T I U M.

Она еще не родилась,
Она и музыка и слово,
И потому всего живого
Ненарушаемая связь.

Спокойно дышать моря груди,
Но, какъ безумный, свѣтель день
И пѣны блѣдная сирень
Въ мутно-лазоревоиъ сосудѣ.

Да обрѣтутъ мои уста
Первоначальную нѣмоту —
Какъ кристаллическую ноту,
Что отъ рожденія чиста.

Останься пѣной, Афродита,
И слово въ музыку вернись,
И сердце сердца устыдись,
Съ первоосновой жизни слито.

1910.

Невыразимая печаль
Открыла два огромныхъ глаза, —
Цвѣточная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Такъ много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая—
И потянулась, оживая,
Тончайшихъ пальцевъ бѣлизна...

1909.

Медлительнѣе снѣжный улей,
Прозрачнѣе окна хрусталь
И бирюзовая вуаль
Небрежно брошена на стулѣ.

Ткань, опьяненная собой,
Изнѣженная лаской свѣта,
Она испытываетъ лѣто,
Какъ бы нетронута зимой.

И, если въ ледяныхъ алмазахъ
Струится вѣчности морозъ,
Здѣсь—трепетаніе стрекозъ
Быстроживущихъ, синеглазыхъ...

1910.

Смутно-дышащими листьями
Черный вѣтеръ шелеститъ,
И трепещущая ласточка
Въ темномъ небѣ кругъ чертитъ.

Тихо спорятъ въ сердцѣ ласковомъ,
Умирающемъ, моемъ,
Наступающія сумерки
Съ догорающимъ лучомъ.

И надъ лѣсомъ вечерѣющимъ
Стала мѣдная луна;
Отчего такъ мало музыки
И такая тишина?

1911.

Отчего душа - такъ пѣвуча,
И такъ мало милыхъ именъ,
И мгновенный ритмъ—только случай,
Неожиданный Аквилонъ?

Онъ подыметъ облако пыли,
За шумитъ бумажной листовою,
И совсѣмъ не вернется—или
Онъ вернется—совсѣмъ другой ..

О, широкій вѣтеръ Орфея,
Ты ушелъ въ морскіе края—
И, не созданный міръ лелѣя,
Я забылъ ненужное „я“.

Я блуждалъ въ игрушечной чашѣ
И открылъ лазоревый гротъ...
Неужели я настоящій,
И дѣйствительно смерть придетъ?

1911.

Быть можетъ я тебѣ не нуженъ,
Ночь; изъ пучины міровой,
Какъ раковина безъ жемчужинъ,
Я выброшенъ на берегъ твой.

Ты равнодушно волны пѣнишь
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оцѣнишь
Ненужной раковины ложь.

Ты на песокъ съ ней рядомъ ляжешь,
Одѣнешь ризою своей,
Ты неразрывно съ нею свяжешь
Огромный колоколъ зыбей;

И хрупкой раковины стѣны,—
Какъ нежилого сердца домъ,—
Наполнишь шопотами пѣны,
Туманомъ, вѣтромъ и дождемъ...

1911.

Скудный лучъ, холодной мѣрою,
Сѣтъ свѣтъ въ сыромъ лѣсу.
Я печаль, какъ птицу сѣрую,
Въ сердцѣ медленно несу.

Что мнѣ дѣлать съ птицей раненой?
Твердь умолкла, умерла.
Съ колокольни отуманенной
Кто-то снялъ колокола.

И стоитъ осиротѣлая
И нѣмая вышина —
Какъ пустая башня бѣлая,
Гдѣ туманъ и тишина.

Утро, нѣжностью бездонное —
Полу-явь и полу-сонъ,
Забытье неутоленное —
Думъ туманный перезвонъ...

1911.

Образъ твой, мучительный и зыбкій,
Я не могъ въ туманѣ осязать.
„Господи!“, сказалъ я по ошибкѣ,
Самъ того не думая сказать.

Божье имя, какъ большая птица,
Вылетѣло изъ моей груди...
Впереди густой туманъ клубится,
И пустая клетка позади...

1912.

З М Ъ Й.

Осенній сумракъ—ржавое желѣзо
Скрипитъ, поетъ и разѣдаетъ плоть;
Что весь соблазнъ и всѣ богатства Креза
Предъ лезвіемъ твоей тоски, Господь!

Я какъ змѣей танцующей измученъ
И передъ ней, тоскуя, трепещу;
Я не хочу души своей излучинъ
И разума и Музы не хочу...

Достаточно лукавыхъ отрицаній
Распутывать извилистый клубокъ;
Нѣтъ стройныхъ словъ для жалобъ и признаній
И кубокъ мой тяжелъ и неглубокъ.

Къ чему дышать? На жесткихъ камняхъ пляшетъ
Больной удавъ, свиваясь и клубясь,
Качается и тѣло опояшетъ,
И падаетъ, внезапно утомясь.

И бесполезно накануне казни,
Видѣнїемъ и пѣнїемъ потрясенъ,—
Я слушаю, какъ узникъ безъ боязни,
Мелѣза визгъ и вѣтра темный стонъ!

1910.

Сегодня дурной день:
Кузнечиковъ хоръ спить,
И сумрачныхъ скалъ сѣнь—
Мрачнѣй гробовыхъ плитъ.

Мелькающихъ стрѣлъ звонъ
И вѣщихъ воронъ крикъ...
Я вижу дурной сонъ,
За мигомъ летитъ мигъ.

Явленій раздвинь грань,
Земную разрушь клѣтъ,
И яростный гимнъ грянь—
Бунтующихъ тайнъ мѣдь!

О, маятникъ душъ строгъ—
Качается глухъ, прямъ,
И страстно стучитъ рокъ
Въ запретную дверь, къ намъ...

1911.

ПѢШЕХОДЪ.

Я чувствую непобѣдимый страхъ
Въ присутствіи таинственныхъ высотъ;
Я ласточкой доволенъ въ небесахъ
И колокольни я люблю полетъ!

И, кажется, старинный пѣшеходъ,
Надъ пропастью, на гнущихся мосткахъ,
Я слушаю—какъ снѣжный комъ растетъ
И вѣчность бьетъ на каменныхъ часахъ.

Когда бы такъ! Но я не путникъ тотъ,
Мелькающій на выцвѣтшихъ листахъ,
И подлинно во мнѣ печаль поетъ;

Дѣйствительно лавина есть въ горахъ!
И вся моя душа—въ колоколахъ—
Но музыка отъ бездны не спасетъ!

1912.

Нѣтъ, не луна, а свѣтлый циферблатъ
Сіяетъ мнѣ, и чѣмъ я виноватъ,
Что слабыхъ звѣздъ я осязаю млечность?

И Батюшкова мнѣ противна спесь;
Который часъ, его спросили здѣсь—
А онъ отвѣтилъ любопытнымъ: вѣчность!

1912.

Я ненавижу свѣтъ
Однообразныхъ звѣздъ.
Здравствуй мой давній бредъ,—
Башни стрѣльчатой ростъ!

Кружевомъ камень будь,
И паутиной стань:
Неба пустую грудь
Тонкой иглою рань.

Будеть и мой чередъ —
Чую размахъ крыла.
Такъ — но куда уйдетъ
Мысли живой стрѣла?

Или, свой путь и срокъ
Я исчерпавъ, вернусь:
Тамъ—я любить не могъ,
Здѣсь — я любить боюсь...

1912.

КАЗИНО.

Я не поклонникъ радости предвзятой,—
Подчасъ природа сброе пятно,—
Миѣ въ опьяненьи легкомъ суждено
Извѣдать краски жизни небогатой.

Играетъ вѣтеръ тучею косматой,
Ложится якорь на морское дно,
И, бездыханная, какъ полотно,
Душа виситъ надъ бездною проклятой.

Но я люблю на дюнахъ казино,
Широкій видъ въ туманное окно
И тонкій лучъ на скатерти измятой;

И, окруженъ водой зеленоватой,
Когда, какъ роза, въ хрусталѣ вино,—
Люблю слѣдить за чайкою крылатой!

1912.

ЦАРСКОЕ СЕЛО.

Георгію Иванову.

Поѣдемъ въ Царское Село!
Свободны, вѣтренны и пьяны,
Тамъ улыбаются уланы,
Вскочивъ на крѣпкое сѣдло...
Поѣдемъ въ Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьяхъ—кочья ваты,
И грянутъ „здравія“ раскаты
На крикъ „здорово, молодцы“!
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Гдѣ одnodумы-генералы
Свой коротають вѣкъ усталый,
Читая Ниву и Дюма...
Особняки—а не дома!

Свистъ паровоза... Ѣдетъ князь.
Въ стеклянномъ павильонѣ свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходитъ офицеръ, кичась —
Не сомнѣваюсь — это князь...

И возвращается домой —
Конечно, въ царство этикета,
Внушая тайный страхъ, карета
Съ мощами фрейлины сѣдой —
Что возвращается домой...

ЗОЛОТОЙ.

Цѣлый день сырой осенній воздухъ
Я вдыхалъ въ смятенѣ и тоскѣ;
Я хочу поужинать,—и звѣзды
Золотыя въ темномъ кошелькѣ!

И, дрожа отъ желтаго тумана,
Я спустился въ маленькій подвалъ;
Я нигдѣ такого ресторана
И такого сброда не видалъ!

Мелкіе чиновники, японцы,
Теоретики чужой казны...
За прилавкомъ щупаетъ червонцы
Человѣкъ—и всѣ они пьяны.

Будьте такъ любезны, размѣняйте,
Убѣдительно его прошу—
Только мнѣ бумажекъ не давайте,—
Трехрублевокъ я не выношу!

Что мнѣ дѣлать съ пьяною оравой?
Какъ попалъ сюда я, Боже мой?
Если я на то имѣю право—
Размѣняйте мнѣ мой золотой!

1912.

СТАРИКЪ.

Уже свѣтло, поетъ сирена
Въ седьмомъ часу утра.
Старикъ, похожій на Верлена,
Теперь твоя пора!

Въ глазахъ лукавый или дѣтскій
Зеленый огонекъ;
На шею нацѣпилъ турецкій
Узорчатый платокъ.

Онъ богохульствуетъ, бормочетъ
Несвязныя слова;
Онъ исповѣдаться хочетъ—
Но согрѣшитъ сперва.

Разочарованный рабочий
Иль огорченный мотъ—
А глазъ, подбитый въ нѣдрахъ ночи,
Какъ радуга цвѣтетъ.

Такъ, соблюдая день субботній,
Плетется онъ—когда
Глядитъ изъ каждой подворотни
Веселая нужда;

А дома—руганью крылатой,
Отъ ярости блѣдна,—
Встрѣчаетъ пьянаго Сократа
Суровая жена!

1913.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ СТРОФЫ.

Н. Гумилеву.

Надъ желтизной правительственныхъ зданій
Кружилась долго мутная метель,
И правовѣдъ опять садится въ сани,
Широкимъ жестомъ запахнувъ шинель.

Зимуютъ пароходы. На припекѣ
Зажглось каюты толстое стекло.
Чудовищна—какъ броненосецъ въ докѣ—
Россія отдыхаетъ тяжело.

А надъ Невой—посольства полуміра,
Адмиралтейство, солнце, тишина!
И государства крѣпкая порфира,
Какъ власяница грубая, бѣдна.

Тяжка обуза сѣвернаго сноба—
Онѣгина старинная тоска;
На площади сената—валь сугроба,
Дымокъ костра и холодокъ штыка...

Черпали воду ялики, и чайки
Морскія посѣщали складъ пеньки,
Гдѣ, продавая сбитень или сайки,
Лишь оперные бродятъ мужики.

Летитъ въ туманъ моторовъ вереница;
Самолюбивый, скромный пѣшеходъ—
Чудакъ Евгеній—бѣдности стыдится,
Бензинъ вдыхаетъ и судьбу клянетъ!

1913.

Въ душномъ барѣ иностранецъ,
Я нерѣдко, въ часъ глухой,
Уходя отъ тусклыхъ пьяницъ,
Становлюсь самимъ собой.

Дѣвъ полуночныхъ отвага
И безумныхъ звѣздъ разбѣгъ,
Да привяжется бродяга,
Вымогая на ночлегъ.

Кто, кажите, мнѣ сознанье
Виноградомъ замутишь,
Если явь—Петра созданье,
Мѣдный всадникъ и гранить?

Слышу съ крѣпости сигналы,
Замѣчаю, какъ тепло.
Выстрѣлъ пушечный въ подвалы,
Вѣроятно, донесло.

И гораздо глубже бреда
Воспаленной головы—
Звѣзды, трезвая бесѣда,
Вѣтеръ западный съ Невы...

1913.

ЛЮТЕРАНИНЪ.

Я на прогулкѣ похороны встрѣтилъ
Близъ протестантской кирки, въ воскресеньѣ.
Разсѣянный прохожій, я замѣтилъ
Тѣхъ прихожанъ суровое волненье.

Чужая рѣчь не достигала слуха,
И только упряжь тонкая сіяла,
Да мостовая праздничная глухо
Лѣнивыя подковы отражала.

А въ эластичномъ сумракѣ кареты,
Куда печаль забилаь, лицемѣрка,
Безъ словъ, безъ слезъ, скупая на привѣты,
Осеннихъ розъ мелькнула бутоньерка.

Тянулись иностранцы лентой черной
И шли пѣшкомъ заплаканныя дамы,
Румянецъ подъ вуалью, и упорно
Надъ ними кучеръ правилъ въ даль, упрямый.

Кто бъ ни былъ ты, покойный лютеранинъ,
Тебя легко и просто хоронили.
Быль взоръ слезой приличной затуманенъ,
И сдержанно колокола звонили.

И думалъ я: витійствовать не надо,
Мы не пророки, даже не предтечи,
Не любимъ рая, не боимся ада,
И въ полдень матовый горимъ, какъ свѣчи.

1912.

АЙЯ-СОФІЯ.

1.

Айя-Софія—здѣсь остановиться
Судиль Господь народамъ и царямъ!
Вѣдь куполь твой, по слову очевидца,
Какъ на цѣпи подвѣшенъ къ небесамъ.

2.

И всѣмъ примѣрь—года Юстиніана,
Когда похитить для чужихъ боговъ
Позволила эфесская Діана
Сто семь зеленыхъ мраморныхъ столбовъ.

3.

Куда-жъ стремился твой строитель щедрый,
Когда, душой и помысломъ высокъ,
Расположилъ апсиды и экседры,
Имъ указавъ на западъ и востокъ?

4.

Прекрасенъ храмъ, купающійся въ мѣрѣ,
И сорокъ оконъ—свѣта торжество;
На парусахъ подъ куполомъ четыре
Архангела прекраснѣе всего.

5.

И мудрое сферическое зданье
Народы и вѣка переживетъ,
И серафимовъ гулкое рыданье
Не покоробитъ темныхъ позолотъ.

1912.

NOTRE DAME.

1.

Гдѣ римскій судія судилъ чужой народъ—
Стоитъ базилика,—и радостный, и первый,
Какъ нѣкогда Адамъ, распластывая нервы,
Играетъ мышцами крестовый легкій сводъ.

2.

Но выдаетъ себя снаружи тайный планъ!
Здѣсь позаботилась подпружныхъ арокъ сила,
Чтобъ масса грузная стѣны не сокрушила,
И свода дерзкаго бездѣйствуетъ таранъ.

3.

Стихійный лабиринтъ, непостижимый лѣсъ,
Души готической разсудочная пропасть,
Египетская мощь и христіанства робость,
Съ тростинкой рядомъ—дубъ и всюду царь—
отвѣсъ.

4.

Но чѣмъ внимательнѣй, твердыня Notre Dame,
Я изучалъ твои чудовищныя ребра, —
Тѣмъ чаще думалъ я: изъ тяжести недоброй
И я когда нибудь прекрасное создамъ.

1912.

СОДЕРЖАНІЕ.

Дыханіе	1
Silentium	2
„Невыразимая печаль“	3
„Медлительнѣе снѣжный улей“	4
„Смутно дышащими листьями“	5
„Отчего душа такъ пѣвуча“	6
Раковина	7
„Скудный лучъ холодной мѣрою“	8
„Образъ твой мучительный и зыбкій“	9
Змѣй	10
„Сегодня дурной день“	12
Пѣшеходъ	13
„Нѣтъ, не луна“	14
„Я ненавижу свѣтъ“	15
Казино	16
Царское Село	17
Золотой	19
Старикъ	21
Петербургскія строфы	23
„Въ душномъ барѣ“	25
Лютеранинъ	27
Айя-Софія	29
Notre Dame	31

Въ изданіи „АКМЭ“

ГОТОВЯТСЯ:

Н. Гумилевъ. „Итальянскіе стихи“.

С. Городецкій. „Вереница восьмистишій“.